

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ПОСЛОВИЦАХ И АФОРИЗМАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

BOURNISSA Aï
Université d'Alger 2

Ключевые слова: образ, женщина, пословицы, афоризмы, язык, выражение, культура, картина мира, литературный, исследование.

В своем развитии картина мира любого этноса проходит путь от народной (наивной, мифологической) до научной. С.Е. Никитина рассматривает языковое народное сознание как часть культурного сознания, так как между осознанием элементов языка и других элементов культуры нет четко выраженной границы. Языковое народное сознание является воплощением народного миропонимания в языковой форме, в языковых стереотипах [Никитина, 1993: 9]. Пословицы и

афоризмы любого языка (в данном случае – русского) представляют собой продукты языкового народного сознания как материализация опыта поколений и отдельных представителей данного народа соответственно. Обе эти формы обращаются в сфере внутринационального общения, то есть в рамках употребления языка, равно как и той или иной языковой формы его существования, совпадающих с границами соответствующего этнического единства (народа). Пословицы и афоризмы являются отдельными познавательными актами, выраженными в изолированных может быть адекватной лишь самого

языкового выражения, но и знания о действительных ситуациях, приобретенных русским на основе, как своего индивидуального опыта, так и общественного опыта, закрепленного и переданного в языковых формах (текстах) [Колшанский, 1990: 25]. Особенности языкового общественного сознания накладывают свой отпечаток на пословицы и афоризмы русского языка и составляют национальный языковой характер русского народа. Национальным языковым характером, в свою очередь, обусловлен и тот факт, что русские пословицы и афоризмы известны и понятны в большинстве своем носителям русского языка и гармонично входят в их мировосприятие как неотъемлемая часть общей картины реальности. В то же время, для иноязычного представителя человечества они наполнены национальным колоритом и могут быть даже непонятны, если его картина мира значительно отличается от картины мира русских. Поскольку предметом данной статьи являются пословицы и афоризмы русского, необходимо разграничить формы существования языка, к которым они принадлежат. Несмотря на то, что и пословицы, и афоризмы являются продуктами народного языкового сознания, сферы их появления и принадлежности различны. Пословицы принадлежат к фольклорной форме языка, а афоризмы – к литературной форме языка. Развитие и взаимодействие литературного и разговорного народного языка накладывает определенный отпечаток на единицы, относящиеся к этим сферам – афоризмы и пословицы соответственно. Особенности языковых единиц во многом обусловлены особенностями формы существования языка, к которой они принадлежат. Помимо этого, интеграция литературной и фольклорной сфер позволяют единицам быть более мобильными и переходить из одной сферы в другую при определенных обстоятельствах, которые будут подробнее рассмотрены далее.

В лингвистическом энциклопедическом словаре пословица определяется как «краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа», имеющее форму законченного предложения, обладающее буквальным и переносным значением, или только переносным [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 389] Составитель знаменитого словаря русских пословиц В. Даль дает следующее определение пословицы: «Пословица – коротенькая притча. Это суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Как всякая притча, полная пословица состоит из двух частей: из картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения, нередко, однако же, вторая часть опускается, предоставляется сметливости слушателя» [Даль, 1996: 29].

Будучи неотъемлемым элементом фольклора, а в более широком смысле и народно-разговорного языка в целом, пословица полностью удовлетворяет следующим требованиям народной эстетики:

1) выражение объективации через конкретные и знакомые образы. Пословица воспринимается как глубокое и обобщенное и в то же время как естественное, эмоциональное и доходчивое афористическое изречение. (Цыплят по осени считают. – бытовая ситуация используется для обозначения общего положения: о результатах можно судить только когда дело уже закончено.) (Здесь и далее примеры автора).

2) Слаженность звучания. (Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

3) Лаконичность и компактность речи. (Баба с возу – кобыле легче.

4) Доброжелательность и гуманность высказывания. (Доброе дело само себя хвалит.

5) Конкретизация и олицетворение отвлеченных понятий. (Семь топоров вместе лежат, а две прялки врозь. – Женская дружба не такая крепкая как мужская.) [Глухих., 1997: 79]. На принадлежность

пословицы именно к сфере фольклора указывает также изустный характер передачи этих единиц. Уже в самом своем названии пословица содержит непосредственное указание на отношение к устной речи. В. Даль также рассматривает пословицу как продукт исключительно народной среды общения: «Что за пословицами и поговорками надо идти в народ, в этом никто спорить не станет, в образованном и просвещенном обществе пословицы нет... Готовых пословиц высшее общество не принимает, потому что это картины чуждого ему быта, да и не его язык; а своих не слагает, может быть из вежливости и светского приличия: пословица колет не в бровь, а прямо в глаз» [Даль, 1996: 10].

Но если в фольклоре место пословицы неоспоримо, то в лингвистике единого мнения по поводу того, к какой области относится пословица, не существует. Ученые Московской школы причисляют ее к фразеологии, сторонники Ленинградской школы выделяют в науку паремиологию. В виду неоднозначности лингвистических подходов к пословице, в данной работе будут рассмотрены лишь ее основные характеристики, релевантные для подтверждения того, что она является средством отражения картины мира носителями русского и английского языков.

Признается, что пословица отражает какое-либо явление действительности, наблюдаемое людьми с древних времен, и поэтому являющееся частью коллективного опыта народа. Как утверждает А.В. Артемова, «пословицы отражают не фрагмент действительности, а переосмысленное понятие о явлениях реального мира. Все их значения связаны с человеком, его восприятием мира и отношением к действительности» [Артемова., 2000: 4]. Одной из специфических черт пословицы является сознательность ссылки на народный опыт. Этим она отличается от остальных смысловых единиц языка, которые представляют собой не осознаваемое как таковое использование опыта предшествующих поколений.

Таким образом, при употреблении пословицы проблема истинности высказывания снимается, «так как человек говорит не от себя, а ссылаясь на чужой и тем самым объективируемый опыт» [Николаева, 1994: 154].

С кумулятивной функцией пословицы неразрывно связана ее назидательная функция. Представляя собой формулы народной мудрости, пословицы претендуют на универсальность заключений и выводов и на возможность их приложения ко всем людям в качестве неписаного закона. Следующие тесно взаимосвязанные характеристики пословицы – ситуативность и обобщенность. А.В. Артемова отмечает, что «особенность человеческого мышления (восприятия) заключается в том, что он выделяет из всех явлений некую суть, в которой заключен главный смысл языковой единицы. Таким образом, в пословице образ всегда редуцирован, то есть представляет собой схематическую передачу ситуации, в которой выделяется специфическая черта, основное в данной ситуации» [Артемова, 2000: 34]. Знакомство носителя языка с экстралингвистическим опытом, послужившим основой для той или иной пословицы, позволяет ему воссоздать связь исходной ситуации с настоящим положением вещей, в чем ему способствует наглядность, конкретность пословичных образов. Несмотря на то, что проблема истинности снимается, когда речь идет о пословице, остается другая проблема: верно ли она употреблена, то есть, существует ли аналогия между пословичной ситуацией и обсуждаемой. Многие пословицы возникали как результат наблюдения над событиями объективной реальности (бытовыми, историческими), но некоторые были непосредственно связаны с другими жанрами устной поэзии или письменностью. Утерев первоначальную связь с источником, пословица начинала функционировать в языке в контексте конкретных ситуаций, к которым она могла быть применима.

Отношения пословицы и контекста также осложняются возможностью первой иметь буквальное и переносное значение. С одной стороны, совмещение в семантике значительной части пословиц буквального и переносного планов создает основу для их восприятия как ярких образных выражений. С другой стороны, если преобладает прямое значение, выражение становится применимо к более ограниченному количеству ситуаций, в которых задействованы объекты и отношения, характеризуемые конкретными обстоятельствами. (Ср.: Промеж двери пальца не клади! --- палец можно повредить (буквальное значение)/ нельзя вмешиваться в заведомо опасную ситуацию (переносное значение)). Т.М. Николаева считает, что нет структур, более глубоко вписанных в контекст, чем паремиологические. Пословица привязывается к определенной ситуации и, произнесенная изолированно, вызывает недоумение [Николаева, 1994: 146]. Д.О. Добровольский и Ю.Н. Караулов несколько по-иному рассматривают поведение пословицы в изолированном контексте: если у высказывания есть возможность идиоматического прочтения, то в этом прочтении оно поднимается в статус единицы лексикона, а при буквальном прочтении интерпретируется как некоторое сочетание единиц лексикона, созданное на случай и потому ситуативно и контекстно связанное. Именно поэтому при контекстно независимом предъявлении прочитываются контекстно независимые значения, то есть значения, позволяющие отнести данное высказывание к единицам лексикона [Добровольский, Караулов, 1994: 99]. Поскольку в данной работе пословицы рассматриваются изолированно, автор принимает как аксиому утверждение Д.О. Добровольского и Ю.Н. Караулова, что позволит в полном объеме рассмотреть пословицу как единицу лексикона и средство отражения картины мира носителей русского языка. Ситуативно-обобщенное значение пословицы также реализуется рядом формальных грамматических средств. Формы глаголов в пословице, как правило, указывают

на обобщенное время, парадигматический ряд форм времени отсутствует. Кроме разрыва действия-состояния с определенным грамматическим временем, пословица также отличается разрывом действия-состояния с определенным лицом-деятелем. (Дураков не жнут, не сеют, они сами родятся).

Таким образом, выделяются следующие основные характеристики пословицы:

1. Пословица всегда имеет форму предложения;
2. В своем строении пословица, обращающаяся в языке определенного периода, опирается на продуктивные модели и ведущие тенденции в синтаксическом строе живого народного языка этого периода;
3. Пословица – синтаксически и композиционно завершенное поэтическое произведение, способное к самостоятельному функционированию. Она не имеет контекстуальной привязанности (привязанность – показатель жанровой незавершенности);
4. Пословица не допускает использования слов, конкретизирующих значение синтаксической структуры в пространственном, временном, конкретно-личном и других отношениях;
5. Пословица всегда имеет иносказательный смысл, выражает предельно общее суждение;
6. Синтаксическое значение пословицы реализуется как всевременное или вневременное. Глагольные формы не образуют парадигмы в рамках грамматической категории времени. «Пословицы органично совмещают в себе достоинства народной энциклопедии, поэтических шедевров и неотразимых в своем изяществе фигур ораторского искусства» [Тарланов, 1999: 3]. Будучи ярким образным выражением, несущим в себе непреложную истину и народную мудрость в емкой и доступной форме,

пословица обладает высокой воспроизводимостью в речи. На протяжении веков некая мысль выражалась людьми по-разному, пока содержание не обрело оптимальную форму, узнаваемую и принятую всеми членами данной языковой общности, в соответствии с их мировосприятием. Поэтому пословицы нередко понимаются носителями языка «с полуслова» и могут воспроизводиться эллиптически [Кунин, 1996: 339]. Твоими бы устами, да мед пить. На безрыбье и рак рыба. Той же причиной объясняется и тенденция к устареванию и постепенному выходу из употребления пословиц, состоящих из более чем десяти слов или содержащих архаические элементы, препятствующие удобному воспроизведению в речи. Поскольку архаизмы обозначают понятия, устаревшие или ушедшие из современной картины мира данного народа, они препятствуют не только воспроизведению пословицы, но и узнаванию описываемой ею ситуации даже носителями языка. Тем не менее, уже существующие пословицы бессмертны. Они являются важнейшим материалом для изучения исторических событий, этнографии, быта и мировоззрения народа. Выдержав оценку временем, они органично слились с речью; всегда будут украшать ее остроумием, способностью метко и точно охарактеризовать все многообразные проявления жизни [Федоренко, Сокольская, 1990: 63].

На основе вышеизложенного можно заключить, что именно благодаря таким своим характеристикам, как образность, обобщенность и воспроизводимость, пословица выполняет свою назидательную функцию и является специфичным средством отражения картины мира носителями определенного языка, в данном случае – русского.

Как единица литературного жанра, афоризм – древнейшее явление. Есть свидетельства о существовании афористических

изречений еще в начале третьего тысячелетия до нашей эры в Египте. Страны Востока подарили человечеству такое сокровище афористики как древнекитайская «Книга перемен И-Цзин». Большой вклад в эту сферу внесли такие древнегреческие и римские мыслители как Солон, Пифагор, Сократ, Аристотель, Сенека, Публий Сир. Официально афоризмы утвердились в истории с момента издания «Карманного Оракула» испанца Балтасара Грасиона в 1647. [Афоризмы./сост. Ничипорович , 1998: 7] В русской литературе известны такие авторы афоризмов как Л.Н. Толстой, А.С. Пушкин, А.П. Чехов, М.Ю. Лермонтов. По определению Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской, афоризмы – «краткие, глубокие по содержанию и законченные в смысловом отношении суждения, принадлежащие определенному автору и заключенные в образную, легко запоминающуюся форму». [Федоренко., Сокольская, 1990: 5]. Сфера появления и обращения афоризмов – литературный язык. Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольская ставят афоризмы на промежуточный уровень между областью литературы и науки, так как «выразительность и образность сближает афоризмы с художественной литературой, свойство синтеза мыслей, установление связи между явлениями, точность и лаконизм роднят их с наукой» [Там же]. Сила афоризмов заключается в совершенстве подобранных выражающих слов и в умелом возведении актуальных частных явлений жизни в общие принципы, в доминирующие идеи. Им присуща и воспитательная роль, поскольку они расширяют мир духовных запросов людей и формируют их моральные убеждения. Но поучение в афоризмах происходит не механически: в силу лаконичности они побуждают читателя к собственному размышлению, являются своеобразным катализатором мысли, ускорителем процесса возникновения ассоциаций и идей. «Предельная экономия слов, глубина семантики, яркая образность делают афоризмы стилистическими шедеврами, которые становятся действенным средством в борьбе с однообразием и серостью человеческой

речи». [Федоренко, сокольская, 1990: 4] Обладая ситуативно-обобщенным значением, кроме обозначаемой ситуации афоризм также вызывает в сознании произведение, в котором присутствует фраза-прототип, имя автора, возможно, еще какую-либо экстралингвистическую информацию о последнем, его творении и обстоятельствах его создания. Все это составляет «афористический фон». [Верещагин, Костомаров, 1990: 77] (Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему – автор: Л.Н. Толстой, произведение: «Анна Каренина», обстоятельства: события в семье Облонских.) Принцип истинности афоризма заключается в том, что индивидуальный автор афоризма выступает в качестве авторитета. У авторитета нет, и не может быть внутренних противоречий. Он всегда рассуждает последовательно и не отступает от однажды принятой точки зрения. Единственное, что он может сделать, – это конкретизировать свою позицию применительно ко вновь возникшим обстоятельствам. Таким образом, у индивида, использующего афоризм, нет необходимости отстаивать позицию, занятую в высказывании, так как он делает ссылку на опыт авторитета. Характер отличий афористического авторитета от пословичного авторитета будет подробнее рассмотрен далее. Интересен и тот факт, что периоды максимального развития афоризмов совпадают с переломными событиями в жизни общества, обостренной идеологической борьбы, сопровождающей эти события, когда на первый план выходят личности, способствующие этим процессам в обществе, то есть идеологические авторитеты. Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольская выделяют следующие специфические признаки афоризма:

- глубина мысли; (Самое неоспоримое свидетельство бессмертия – это то, что нас категорически не устраивает любой другой вариант.
- обобщенность; (Первое правило бизнеса: поступай с другим так, как он хотел бы поступить с тобой.

- краткость; (Если боитесь одиночества, то не женитесь (А.П. Чехов).
- законченность мысли; (Единственный способ отделаться от искушения – поддаться ему.
- четкость и выразительность; (Если ты разгневан, сосчитай до четырех; если сильно разгневан, выругайся.
- художественность. Женщина – это красавица мира, венец творения(Н.В. Гоголь).

В качестве заключения, следует отметить, что афоризм как литературное средство отражения картины мира автором, принадлежащим к определенной языковой общности, позволяет более точно и информативно высказать, придает речи определенную стилистическую окраску, соотнося ее со стилем оригинального автора. Кроме того, возможность ссылок на опыт автора позволяет использовать афоризм как «прагматическое орудие» с ярко выраженной назидательной функцией. В общем, авторская позиция является частным случаем отражения картины мира носителем определенного языка, в данном случае – русского и английского. Пословицы и афоризмы любого языка являются единицами, отражающими картину мира носителей этого языка. По мнению А.В. Артемовой, «пословицы и афоризмы как зеркало национальной культуры содержат в себе большой объем информации о традициях, устоях, своеобразии миропонимания и менталитета того или иного языкового сообщества» [Артемова, 2000: 1]. Они вызывают в сознании носителей языка определенную совокупность сведений, которая, с одной стороны, определяет логическую конструкцию выражения, а с другой – обуславливает границы употребления данного выражения, связь с определенными жизненными ситуациями, явлениями истории и культуры народа [Дмитриева, 1997: 4]. Благодаря распространению печатного слова, афоризмы получили признание в народе и некоторые из них могли восприниматься как пословицы. Известные авторы могли использовать пословицы для выражения собственной идеи, и те

выступали как средство передачи мировосприятия, принадлежащее к литературному жанру. Учитывая такую интеграцию фольклорной и литературной сфер, одной из задач данной работы является установление характеристик, общих для пословиц и афоризмов, и специфических черт пословиц и афоризмов, позволяющих им выступать в качестве особых единиц отражения опыта народа в широком смысле слова, либо опыта автора, принадлежащего к определенному народу, соответственно. Несмотря на принадлежность пословиц и афоризмов к разным формам существования языка, они характеризуются рядом общих жанровых признаков: По содержанию – философская глубина, дидактичность, претензия на истинность; По форме – краткость, законченность, структурированность в виде предложения; По функции – автосемантичность, цитатность, широкая употребительность. В свою очередь, общность жанровых признаков обусловлена тем, что:

1. пословицы и афоризмы относятся к произведениям малых жанров;
2. они предназначены для автономного функционирования в определенных тематически обозначенных ситуациях;
3. включаются в контекст как целостные единицы;
4. как правило, не превышают объем высказывания;
5. реализуют жанровую устремленность к образцу, эталону, хотя и по-разному трактуемому;
6. выполняют в речи аксиоматическую функцию, освобождая говорящего от подробного обоснования высказанной им мысли, так как роль аргумента перекладывается на афористическую или пословичную формулу [Тарланов, 1999: 363]. З.К. Тарланов отмечает, что одно и то же языковое явление, становясь компонентом художественного целого, подстраиваясь под его законы, реализует только те из потенциально свойственных ему

значений, которые согласуются с жанровыми традициями конкретного произведения. Вышеназванные общие характеристики позволяют некоторым афоризмам адаптироваться в народном сознании и становиться частью фольклорной картины мира, то есть переходить в разряд пословиц. И наоборот, пословица, употребленная в известном художественном произведении, «приобретает» своего автора и в дальнейшем может рассматриваться как афоризм. Отличия афоризма и пословицы также весьма значительны. Одной из наиболее ярких специфических черт афоризма является уже упомянутый выше афористический фон. У афоризма известна историческая обстановка, в которой он возник, личность, миросозерцание автора. После возникновения на него ничего не влияет, он не изменяем во времени. Пословица же была изустно высказана неизвестным лицом неизвестно когда и, потеряв хозяина, видоизменялась, фольклоризировалась. Именно с категорией автора связаны различия пословичного и афористического авторитета, общей функции назидания. Основывая высказывание не только на опыте своего народа, но и на своем собственном, автор придает афоризму как средству отражения мира оттенок субъективности. Читатель волен либо принять, либо отвергнуть точку зрения автора, в зависимости от того, насколько отличается его индивидуальное восприятие картины мира. В любом случае, идея афоризма заставляет читателя задуматься над жизненной ситуацией и определить свою позицию по отношению к ней. Следующее отличие афоризма от пословицы заключается в принадлежности его к литературной форме существования языка, из чего следует ряд особенностей. Так, например, афоризмы передаются в основном в письменном виде, тогда как пословица – элемент устного народного творчества. Для облегчения изустного воспроизведения и восприятия на слух пословицы облечены в более простую синтаксическую форму и чаще всего ритмически организованы. Афоризмы в

большинстве случаев выступают в прозаической форме и облечены в более сложные синтаксические конструкции. Но их синтаксическая сложность естественна, так как афоризмы содержат глубокие философские обобщения, и не мешает их восприятию, так как читатель имеет возможность обдумать высказывание, закрепленное письменно.

Следующее отличие афоризма от пословицы состоит в том, что пословицы обладают образной мотивировкой общего значения, а афоризмы – прямой мотивировкой общего значения. Афоризмы не так обширно, как пословицы, используют переносный план значения, их употребление ограничено более конкретными ситуациями.

На основе вышеизложенных особенностей пословиц и афоризмов справедливо сделать вывод о самостоятельности этих двух жанров и обобщить признаки литературности афоризмов, которые отличают их от пословиц. Признаки книжности афоризмов:

1. выражение морали в «откровенно обнаженной» форме, незавуалированное нравоучение;
2. меньшая обобщенность значения, привязанность к определенному историческому этапу, событию; отнесенность к автору;
3. открытость для слов и форм с субъективно-моральными значениями, собственных имен, географических названий, личных и лично-указательных местоимений, временных и пространственных наречий;
4. открытость для архаических форм, свидетельствующих о нединамичности либо недостаточной динамичности синтаксического строя;
5. известная тематическая ограниченность, вернее – ориентированность на одну тему. (Ср.: пословица в силу обобщенности значения, утрачивает привязанность к породившей ее теме и реальному первоначальному значению);

6. отдаленность от форм разговорного языка.

Определенный интерес представляет мнение Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской о том, что тенденции развития афоризмов более перспективны по сравнению с тенденциями развития пословиц, так как повышается народная культура, развивается книгопечатание, распространение мысли изустно сокращается. Наиболее ценные мысли публикуются и реже теряют своих авторов [Федоренко, Сокольская, 1990: 35]. В заключение следует повторить, что и пословицы, и афоризмы могут служить своеобразным инструментом для измерения культурных доминант в языке. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов являются важной составной частью культуры народа, отражают специфику восприятия мира. Познавательный акт как фрагмент мыслительной деятельности человека уже по своей природе содержит так называемый оценочный элемент, произведенную субъектом мыслительную операцию над предметом высказывания (восприятие, понимание, обобщение, заключение и т.д.), что представляет собой «оценку» в самом широком понимании. Оценка содержится, таким образом, повсюду, где происходит какое бы то ни было соприкосновение субъекта познания с объективным миром. Поскольку в данной статье рассматривается отражение образа женщины в пословицах и афоризмах русского языка, оно неизбежно будет носить оценочный характер. Так как пословицы и афоризмы выступают в роли назидательных речений, они автоматически приписывают реальности, которую отображают, некую оценочную шкалу с полярными понятиями хорошо-плохо, нравственно-безднравственно, приемлемо-неприемлемо. «При восприятии объективного мира человек определяет для себя ценностные ориентиры. Все происходящее вокруг оценивается субъектом на основании принципа хорошо-плохо, добро-зло, красиво-безобразно, то есть объект действительности

рассматривается с точки зрения его соответствия норме». [Артемова, 2000: 7].

В данной статье образ женщины в пословицах и афоризмах русского языка рассматривается в совокупности своих моральных и поведенческих качеств, это происходит с учетом и правовых, и моральных норм русского народа. Необходимо уточнить роль субъективного и объективного компонента оценки. Субъективный компонент предполагает положительное или отрицательное отношение субъекта к объекту оценки, в то время как объективный компонент оценки ориентируется на собственные свойства предметов или явлений, на основе которых выносятся оценка. По словам А.В. Артемовой, «оценочность имеет объективно-субъективный статус: ее объективность проявляется в том, что она до некоторой степени отражает систему принятых в обществе норм, а субъективность – в выражении мнения субъекта об обозначаемом» [Артемова, 2000: 8]. Таким образом, в оценке образа женщины в пословицах русского языка преобладает объективный компонент в виде отражения морально-бытовых норм этих народов. В афоризмах же более значительную роль играет субъективный компонент, то есть отражение взгляда автора на объект оценки, в данном случае – на образ русской женщины. Поскольку обе анализируемые единицы выступают ситуативно и контекстно независимо, они принимаются за единицы лексикона, а не сочетания отдельных единиц лексикона. Это речевые акты, назначение которых состоит в оказании определенного (поощряющего или запрещающего) воздействия на адресата. Подобная коммуникативная установка содержится в пословицах и афоризмах как в оценочных суждениях в виде коннотации (положительной или отрицательной). Предметное значение единицы перестает быть основным, сливаясь с непредметным, коннотативно-прагматическим. Например: Бабы хоромы недолго живут. –

предметное значение: дом, построенный женщиной непрочен и может быть легко разрушен; оценочный компонент коннотативного значения выражается через соотношение утверждения «то, что создано женщиной, создано некачественно и само по себе недолговечно» и национально-культурного отношения к плохо проделанной работе. Отсюда следует вывод о том, что социально-значимая деятельность женщины оценивается данной пословицей отрицательно. По мнению В.Н. Телия, «само идеографическое поле женщина складывается из всех наименований, обозначающих Евино племя, из которых родовым является женщина, а так же баба (в обыденном менталитете русских), а видовыми все остальные обозначения», характеризующие их по: - возрасту (девочка, старуха) - сексуальному аспекту (основным именем выступает слово баба и его сниженные дериваты типа бабец, бабища и их синонимы) - семейному статусу (жена, невестка, теща) - социально-семейному статусу (хозяйка, вдова, докторша) - типу родственных отношений (мать, внучка) - принадлежности к социальным слоям (барыня, простолюдинка) - социальным ролям (кухарка) - трансцендентно-мистическим сферам (колдунья) или к чуждому миру (русалка, ведьма) [Телия, 1990: 260]. Следует особо разграничить термин «баба», присущий более обыденному видению женщины, и «женщина», чаще фигурирующий в литературной сфере. Баба – культурно маркированное слово. Его первичное значение – замужняя крестьянка, жена крестьянина [Даль, 2003: 32], устарело. В словаре русского языка С.И. Ожегова это значение отмечено как просторечное. Также это слово обладает пренебрежительный или ироничный отзыв о женщине в целом, либо просторечный или региональный эквивалент слову «жена». [Ожегов, 2011, 34]. По свойствам баба – здоровая, работающая, грубая, необразованная, простая, ее облик привлекателен. Сформировалась идиоэтническая

характеризация женщины по этим свойствам, поэтому во фразеологии (а также и паремиологии) этим словом ярче проявляется культурно-национальная специфика концепта женщина. Как показали результаты практического исследования, в литературном жанре женщина воспринимается с одной стороны как слабое зависимое существо, неспособное на самостоятельные решения и осмысленные поступки, утонченное и хрупкое, избалованное и требующее постоянного внимания к себе со стороны «сильного пола». С другой стороны, женщина – умелая соблазнительница, артистичная и эмоциональная натура, чуткая к красоте и являющаяся ее воплощением. Литературным высказываниям свойственно более снисходительное отношение к женским порокам и признание того, что именно они делают женщину женщиной. По результатам статистического анализа языкового материала в количестве более 600 пословиц и афоризмов выяснилось значительное превосходство количества единиц с отрицательной коннотацией над количеством единиц с положительной коннотацией и в фольклорном, и в литературном жанрах в материале и русского, и английского языка. Е.Ф. Арсентьева, например, объясняет подобную асимметрию более острой эмоциональной и речемыслительной реакцией людей именно на отрицательные явления, а также характерной для стрессовых состояний тенденцией к использованию готовых речевых форм, [Арсентьева, 1989: 47] каковыми и являются пословицы и афоризмы. Основываясь на схеме анализа образа женщины А.В. Артемовой, образ женщины в пословицах и афоризмах русского языка был параметризован по основным предложенным категориям. Наибольшее количество языковых единиц с отрицательной коннотацией посвящено психологическому аспекту характера. В свою очередь, самые многочисленные единицы этого раздела отражают женскую лживость и коварство: Бабья вранья и на

свинье не объедешь; Женщина обманет самое всевидящее око. (Ф.М. Достоевский); Если вы хотите узнать, что на самом деле думает женщина, смотрите на нее, но не слушайте. Следующей наиболее отмечаемой чертой женского характера является упрямство и своеволие: Стели бабе вдоль, она меряет поперек. Если женщина решительно захочет чего-нибудь, для нее нет невозможного. (А.А. Бестужев). Следующее место по употребляемости занимают пословицы и афоризмы о женской изменчивости и непредсказуемости: Пока баба с печи летит, семьдесят дум передумает; Женщина – или греза, или кошмар: и в обоих случаях она изменчива. (И.И. Ясинский). Болтливость женщины издавна давала повод для насмешек и метких острот: Бабий язык, куда ни завались, достанет. Женское тщеславие было тонко отмечено русскими афористами: Лесть всегда приятна, тем более женщине, в какой бы нелепой форме она не выражалась. (И.Чернышев); Скопидомство/расточительство также считались чисто женскими пороками: Пусти бабу в рай, она и корову за собой ведет; Чего не сделает женщина за цветную тряпичку! (М.Ю. Лермонтов); Разбойники требуют кошелек или жизнь, женщины – и то, и другое; И, наконец, еще одной яркой чертой женского характера признается любопытство: Тайна, какого рода ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу. (А.С. Пушкин). Показная слезливость была действенным орудием в отношениях и критических ситуациях: Баба слезами беде помогает.; Следующий по количеству встречаемых единиц психологический аспект – мышление. Самой яркой особенностью женского мышления и в фольклорном, и в литературном жанре признается нелогичность: Меж бабьим «да» и «нет» не проденешь иголки. Женщин трудно убедить в чем-нибудь: надобно их довести до того, чтобы они убедили себя сами. (М.Ю. Лермонтов). Немало единиц открыто провозглашают женскую глупость: Волос долог, да ум короток; У нас женщины тем и сохраняют свою

красоту, что никогда ничего не думают. (А.Н. Островский);
Читающая нравоучения женщина сродни стоящей на задних лапах собаке: удивительно не то, что она этого не умеет, а то, что за это берется. В качестве одной из причин несовершенства женского мышления называют чрезмерную эмоциональность: Женское сердце что котел кипит; Женщины вообще любят драматизировать свои чувства и поступки: сделать сцену почитают они обязанностью. (М.Ю.Лермонтов). В социологической категории наиболее полное отражение получили аспекты вида социально значимой деятельности и общения с окружающими. Пословицы отражают несостоятельность женщины как создателя в широком смысле этого слова: Бабы хоромы недолго живут. Афоризмами вообще отрицается возможность приносить какую-либо пользу обществу: Всякий, кто ничего не делает, -- человек лишний: а разве наши девицы и дамы не стараются изо всех сил быть как можно более лишними? (Н.В. Шелгунов). В социальной сфере общения с окружающими ярко выраженная негативная коннотация приписывается отношениям женщин и мужчин как противоположных и совершенно различных полов: Мужик тянет в одну сторону, баба в другую. Отношения между женщинами носят поистине шумный и зачастую враждебный характер: Где две бабы, там сует (сейм, сходка), а где три, там содо; Семь топоров вместе лежат, а две прялки врозь. Интересен также аспект, не отмеченный в схеме А.В. Артемовой, а именно, отношение мужчины к женщине (не идеальной, а такой как она есть). Что характерно, и пословицы, и афоризмы демонстрируют довольно циничное суждение: Курица не птица, а баба не человек; Хвали день, когда он прошел, женщину – когда она умерла (Ф.И. Буслаев). Исторические аспекты религии и мифологии роднит негативная коннотация языковых единиц: От нашего ребра нам не ждать добра; Где сатана не сможет, туда бабу пошлет. В категории

нравственности также преобладают единицы с негативной коннотацией. Основными характеристиками женщины в этой категории являются эгоизм, неверность и распутство: Если боитесь одиночества, то не женитесь (А.П. Чехов); Муж в тюрьме, а жена в сурьме; По результатам анализа языкового материала очевидно, что в единицах, описывающих образ женщины как части картины мира русского народа преобладает отрицательная коннотация, что подтверждается описанием ее пороков и отчетливо негативного к ней отношения в пословицах и афоризмах, основанных на экстралингвистическом опыте русских. Как показал анализ языкового материала, единиц, отражающих положительные качества в образе женщины, гораздо меньше, чем отражающих отрицательные качества. Кроме того, наибольшее количество единиц с положительной коннотацией составляют афоризмы, тогда как пропорция пословиц в этом разделе невелика. Единственная категория, выраженная полностью пословичными единицами, соответствует общей физиологической категории в схеме А.В. Артемовой и отражает выносливость женщины: Баба – не квашня, встала да пошла; У нас и баба зауряд в рекруты идет; Видимо, такая избирательность связана с тем, что афоризмы, как единицы более возвышенного литературного стиля, не уделяют столь большого внимания физиологии, в отличие от стилистически приниженных паремиологических единиц. Напротив, в некоторой части афоризмов женщина рассматривается как существо идеальное: Женщина – это красавица мира, венец творения (Н.В. Гоголь); Женщина – царица общества; общество без женщины – книга с белыми листами (Д.Минаев) Неоспоримыми достоинствами женщины в плане психологического аспекта способностей признается интуиция: Предвидения и предчувствия будущих шагов жизни даются острым и наблюдательным умам вообще, женским в особенности, часто даже без опыта, заменой которому у тонких натур служит инстинкт (И.А. Гончаров);

Женская догадка обладает большей точностью, чем мужская уверенность. В категории характера особо отмечается присущая женщинам отвага: Почти каждая женщина способна в любви на самый высокий героизм. (А.И. Куприн); В социологическом плане подчеркивается значимость женщины в семье: Холостому помогай боже, а женатому хозяйка поможет; Помощь женщины в труде мужчины очень драгоценна. (Л.Н. Толстой). Также по заслугам оценивается образ женщины-матери: Муж – глава в доме, а все-таки дети таковы, какова у них мать. (В. Классовский); Мать больше любит того из своих детей, кто больше ей причинил болезней и горя, отец – наоборот (В. Классовский). В категории вида социально значимой деятельности афористы с большим уважением отзываются о типично «женских профессиях»: Искусство, педагогика, медицина и хозяйственная деятельность – вообще все те отрасли научных познаний, где наука прилагается к искусству – прикладные науки доступнее всего для женщины (Н. Соловьев). Общей особенностью афоризмов, отличающей их от пословиц, является прогрессивная тенденция здорового равенства социального статуса мужчины и женщины и признания существования такой проблемы: Оскорблять женщину, ее человеческую натуру, творчество бога, значит прямо и грубо отказать ей в правах на равенство с мужчиной, на что женщины справедливо жалуются (И.А. Гончаров); Нет никакого сомнения, что социальное положение женщины, даже в сфере практической жизни, сделалось предметом великой важности (Г.Е. Благовестов) .Таким образом, положительная коннотация в русских пословицах, посвященных образу женщины, гораздо менее распространена, тогда как в афоризмах она находит более широкое отражение в связи с более прогрессивным отношением к женщине как таковой, выраженном через призму языка. Кроме единиц с отрицательной и положительной коннотацией среди

проанализированного материала выделяются пословицы и афоризмы, содержащие некоторые рекомендации по обращению с женщиной вообще, а в особенности – в семейном быту. Также они выражают определенные приоритеты, нормы, то, какой должна и не должна быть женщина. Этот разряд единиц соотносится с категорией идеалов в аспекте нравственности и семейного положения в социальном аспекте согласно схеме А.В. Артемовой. Подавляющее большинство единиц-«рекомендаций» составляют пословицы, как зеркало житейской народной мудрости. Прежде всего в них содержится целый свод предупреждений о выборе спутницы жизни: Богатую взять – станет попрекать; Умную взять – не даст слова сказать; Знатную взять – не сумеет к работе пристать; Худую взять – стыдно в люди показать; Старую взять – часто с нею хлопотать. Сделав неверный выбор, мужчина совершает непоправимую ошибку: Всех злее злых злая жена; Женился на скорую руку да на долгую муку. В случае верного выбора мужчина обретает семейное счастье и покой: С доброй женой горе – полгоря, а радость вдвойне; Четкий приоритет отдается женскому уму над красотой: Умная жена, как нищему сума; Никакой красотой женщина не сможет заплатить мужу за свою пустоту (А.П. Чехов) Чтобы семья функционировала нормально, предлагается соблюдение следующих традиционных правил: каждый в семье должен знать свое место Муж жене отец, жена мужу венец; Жена мужу пластырь, муж жене пастырь; Муж – голова, жена – душа; Жена мужа почитай, как крест на главе; Муж жену береги, как трубу на бане. В пословицах также ярко отражены желаемые качества, присущие идеальной жене: Лучше допустить ошибку самой, чем указать на ошибку мужу.; Как правило, мужчине приятнее видеть накрытый к обеду стол, чем слышать, как его жена говорит по-гречески. Поощряется довольно жесткое обращение с женщиной как залог семейного счастья: Жена без грозы –

хуже козы; Чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее. Тем не менее, утилитарный подход также отражается в заботе о здоровье жены как ценного работника: На что корова, была бы жена здорова; У умного мужа жена выхолена, у глупого по будням затаскана. Приоритеты в литературном образе женщины носят более интеллектуальный характер: Женщина, которая умеет только любить мужа и детей своих, а больше ни к чему не стремится, -- так же точно смешна, жалка и недостойна любви мужчины, как смешон, жалок и недостойн любви женщины мужчина, который на то только и способен, чтобы влюбиться, да любить жену и детей своих (В.Г. Белинский). Из примеров, приведенных выше, следует вывод о том, что народно-разговорные единицы в большем объеме содержат элемент утилитарного императива и дают рекомендации практического свойства по обращению с женщиной вообще и женой в частности, что является отражением в языке богатого экстралингвистического опыта русского народа. Литературные приоритеты, в большинстве своем, основаны на эстетическом и этическом компонентах оценки и дают рекомендации интеллектуального характера. Исследование показало, что пословицы и афоризмы являются эффективными и образными средствами выражения мировосприятия носителей русского языка. В частности, они наглядно демонстрируют представление русских о женщине как о части их языковой картины мира. Анализ практического материала выявил некоторые различия в оценке образа женщины пословицами и афоризмами, основанные на укоренившемся в народном сознании прагматическом отношении к женщине с одной стороны, и более возвышенном и прогрессивном представлении о женщине в литературе с другой стороны. Вследствие более прочного закрепления в сознании людей негативных явлений, а также в соответствии с социально-историческими предпосылками развития данных

народов, в образе женщины преобладают описания таких отрицательных качеств, как лживость, упрямство, непредсказуемость, нелогичность, распутство, высказывается предположение о принадлежности женщины к дьявольским силам и доминирует негативная коннотация языковых единиц. Неоспоримыми достоинствами женщины признаются физическая выносливость, интуиция, отвага, богатый эмоциональный мир. Идеалом женщины в фольклоре и литературе представляется женщина-хозяйка, женщина-мать.

Литература

1. Артемова А.В. Эмотивно-оценочная объективация концепта женщина в семантике ФЕ (на материале английской и русской фразеологии). / Автореферат. – Пятигорск, 2000. – 16с.
2. Афоризмы. /сост. Ничипорович Т.Г. – Мн: Литература, 1998. – 832с.
3. Глухих В.М. Словопроизводство в пословицах и поговорках. Русский язык в школе, 1997, № 4. – сс. 80-85.
4. Даль В. Пословицы русского народа. В 3т. – М: Русская книга, 1996. – 2080с.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. – М: Русский язык, 2003. – 699с.
6. Дмитриева О.А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов. / Автореферат. – Волгоград: издательство «Перемена», 1997. – 16с.
7. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. – М: «Помовский и партнеры», 1994. – 116с.
8. Душенко К.В. Большая книга афоризмов. – М: ЗАО Издательство ЭКСМО-Пресс, 2001. – 1056с.
9. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М: Наука, 1990. – 108с.
10. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М: Высшая школа, Дубна: Издательский центр «Феникс», 1996. – 381с.
11. Лингвистический энциклопедический словарь. /Гл. ред. Ярцева В.Н. – М: Советская энциклопедия, 1990. – 269с.
12. Мифы народов мира. Энциклопедия. /Гл. ред. Токарев С.А. – М: Советская энциклопедия, 1980. – 2390с.
13. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М: Наука, 1993. – 189с.
14. Николаева Т.М. Загадка и пословица: социальные функции и грамматика. Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. – М: издательство «Индрик», 1994. – 270с. (сс. 143-177)
15. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 24-е. – М: Русский язык, 2011. – 1200с.
16. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М: «Языки русской культуры», 1997. – 824с.

17. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М: Школа «Языки русской культуры», 1990. – 288с.

18. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. – М: Наука, 1990. – 419с.